

РУСИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ:
 ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘СИДЕТЬ’
 В РУССКОМ И НИДЕРЛАНДСКОМ¹

Введение.

Тема нашей статьи не очень привычна для Russian Linguistics. Мы предлагаем детальное описание семантики русской лексемы *сидеть* – но не самой по себе, а в сопоставлении с аналогичной ей лексемой (*zitten*) в достаточно далеком – и по историческим, и по типологическим меркам – нидерландском языке.

Причиной столь неожиданного сопоставления послужило сходство, обнаруженное нами в сочетаемостном поведении этих глаголов. В частности, в обоих языках смысл ‘сидеть’ сочетается с неодушевленными субъектами. Само по себе это свойство нетривиально: прототипически такие глаголы обозначают очень специфическое пространственное положение живого существа в «сложенной» позиции, и совсем необязательно, чтобы расширение этого значения охватывало неодушевленные контексты – например, в польском этого не происходит.

Сопоставимыми оказались не только черты сходства в сочетаемостном поведении этих лексем, но и различия между ними – как если бы ситуация в одном языке в этой семантической зоне представляла бы дальнейшее развитие современного состояния в другом, и в этом смысле сравнение данных двух языков кажется особенно продуктивным.

Настоящая статья предполагает решение двух – в некотором смысле противоположных – задач.

Во-первых, мы хотели бы внести вклад в развитие такой перспективной области лингвистических исследований как лексическая типология. Современная типология сосредоточена в основном на фактах синтаксиса и морфологии – лексика, если и становится ее объектом, то только как исходная точка в процессе грамматикализации (кстати сказать, позиционные глаголы являются довольно важным источником грамматических показателей, и с этой точки зрения давно привлекают внимание, см. Kuteva 1999, Майсак 2002). Что же касается собственно лексической семантики, то здесь типологи, скорее, солидарны с широко распространенным в западной лингвистической традиции мнением, что «лексика вещь чрезвычайно скучная ... она как тюрьма: там только нарушители» (the lexicon is incredibly boring by its nature ... the lexicon is like a prison – it contains only lawless) [Di Sciullo, Williams 1987]. Слабая вовлеченность лексической зоны в типологические исследования объясняется и тем, что у типологов нет привычных инструментов для исследований в этой области, ведь они опираются на грамматики, а лексика в грамматиках обычно не представлена. Мы хотели бы показать на примере сопоставления нашей пары глаголов эффективность лексической семантики как инструмента типологических исследований, и здесь опыт, накопленный в русистике основателями и последователями Московской семантической школы, мог бы стать своеобразной точкой отсчета. К сожалению, на сегодняшний день этот опыт фактически остается невостребованным и невоспроизведенным², поэтому даже те коллективные исследования, которые непосредственно посвящены описанию лексики в разных языках – включая и только что вышедшую книгу Newman 2002 о позиционных глаголах – не дают достаточно материала для сопоставления лексики боль-

¹ Работа выполнена при частичной поддержке РГНФ (грант 02-04-00303а).

² Ср., впрочем, недавнюю работу Fillmore, Atkins 2000, где делается попытка сравнить сочетаемость глаголов со значением ‘ползти’ – английского *crawl* и французского *rampier*.

шого числа языков в рамках единой системы параметров, релевантных для данной группы лексем³.

С другой стороны, мы хотели бы предложить использовать лексическую типологию как инструмент внутриязыкового семантического исследования, «усиливающий» те результаты, которые могут быть получены, например, при сопоставлении синонимов и квазисинонимов одного языка. Мы покажем, что другие языки, если их рассматривать с точки зрения сочетаемостных возможностей лексики, служат тем зеркалом, которое высвечивает противопоставления, незаметные внутри лексической системы одного языка.

1. Семантика *сидеть* в собственно русском контексте

Исходным пунктом для нашей совместной работы послужило описание глагола *сидеть*, данное в Рахилина 1998 (ср. также Рахилина 2000) на фоне других позиционных глаголов русского языка – *стоять*, *лежать*, *висеть*. Как было показано в этом описании, ни один из этих глаголов нельзя считать просто выражающим некоторый способ расположения объекта в пространстве (т.е., собственно, позицию). В частности, русское *сидеть* не столько обозначает особый способ расположения объекта в пространстве (позицию), сколько указывает на **фиксированность**, неизменность его положения. Идея фиксированности, связанная с семантикой *сидеть* (в цитированных выше работах она названа «семантической доминантой») проявляется во всех употреблениях этого слова, его синтаксической и лексической сочетаемости. Ниже мы кратко перечислим свойства *сидеть*, демонстрирующие семантический акцент на фиксированном положении его субъекта.

- *Сидеть* применимо к птицам и насекомым, а также к постоянно быстро движущимся зверькам (мышь, белка, крыса, бурундук...) в тот момент, когда они неподвижны, замирают на месте. Такое фиксированное положение в пространстве описывается именно глаголом *сидеть* независимо от своей вертикальности / горизонтальности, ср., например, (1)⁴:

(1) <...> бабочка, которая **сидит** теперь в трех шагах от меня, <...> расправляет крылья, собираясь взлететь (Саша Соколов, Школа для дураков).

- Гвоздь в стене, топор на топорище, пробка в бутылке, луковица / репка в земле, глаза на лице, хорошо пригнанная одежда также представляют собой примеры фиксированного, неизменно неподвижного состояния и описываются глаголом *сидеть*, ср. примеры (2)-(3) из МАС:

(2) Пробка сидела в горле бутылки плотно (М. Горький, Мальва)

(3) Бабка неторопливо оглядела солдат глубоко сидящими глазами из-под седоватых бровей (Э. Казакевич, Звезда).

- Эта же составляющая *сидеть* определяет интерпретацию метафор типа *сидеть в тюрьме*, *сидеть с ребенком*, *сидеть без дела*, *сидеть на диете*: ни одно из такого рода сочетаний не предполагает буквально «сидячего» положения субъекта – речь идет только о неизменности, фиксированности того состояния, которое описывается, ср., например, (4) и особенно (5):

³ Ясно, что задача описания лексического фрагмента для большого числа языков в едином ключе сложнее, чем сопоставление лексем всего только в двух языковых системах. Тем не менее, мы рассматриваем настоящую работу именно как лексико-типологическое, а не просто сопоставительное описание, т.е. как отработку приемов и техники, которая может пригодиться для более объемных проектов, посвященных в том числе и семантике позиционных глаголов. Отметим, что опыт подготовки этой статьи уже оказался полезен в работе над российским типологическим проектом под условным названием «Aqua-motion», посвященным описанию лексики «движения в воде» более чем в 20 различных языках.

⁴ Русские примеры из художественной литературы взяты из корпуса «Русский стандарт» и из корпуса Нового объяснительного словаря синонимов русского языка.

(4) *Одна тысяча девяностого года рождения, плотник в бывшем, сейчас сидит на пенсии* (В. Шукшин, Критики)

(5) *Обезьяна, которая до сих пор сидит в зверинце, в клетке, и бегаёт на четырёх лапах, почему-то встала в ту пору на задние лапы, облысела и стала всё больше походить на человека* (Э. Севела, Зуб мудрости).

• Существенно, что и в тех случаях, когда реальное «сидение» всё же – хотя бы отчасти – подразумевается, семантический компонент неизменности, фиксированности состояния также реализуется: *целый день сидел за уроками, десять лет просидел над диссертацией*, ср. также контексты типа (6) или (7) (где *сидит* здесь употреблено в значении ‘пришла в гости’):

(6) *Студентка в Пензе сидит над томиком Радищева* (В. Аксенов, Московская сага)

(7) *<...> гостья была пересажена <...> в кресло в комнате, ей было разрешено курить и там, <...> записка мужу была написана в лучшем эпистолярном стиле. “Дорогой! – писала я. – У нас сидит девушка. Потом расскажу. <...>”* (Г. Щербакова, Косточка авокадо)

• В отличие от *стоять* и *лежать*, *сидеть* обязательно требует указания на местонахождение субъекта, и этот синтаксический факт объясняется семантикой позиционных глаголов, в частности, фиксированность, свойственная *сидеть*, естественно определяется в рамках какого-то пространства или ситуации (в противоположность семантическим доминантам *стоять* и *лежать* – функциональности / нефункциональности, вообще говоря, нелокализованным) Характерны в этом плане «серийные» синтаксические конструкции со значением прогрессива, т.е. актуальной деятельности, заполняющей некоторый сплошной промежуток времени, ср. *сидит пишет, сидит ждет, сидит плачет*⁵; к этому типу контекстов можно отнести примеры (8)-(12).

(8) *Егор еще подумал: «Макар теперь злится сидит»* (В. Шукшин, Любавины)

(9) – *Паук, – пробормотал Гэндзи <...>. – Сидит, потирает лапки. Ждет, когда мотылек застрянет в паутине...* (Б. Акунин, Любовьница Смерти)

(10) – *А тот, второй? – А тот, второй, сидит и ждет* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей)

(11) *Он был очень похож на какого-нибудь сторожа-старикашку: сидит себе и думы думает о прожитой жизни* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды)

(12) *Оба они это понимают, и поэтому Шухов сидит и тянет: ну, как живёте, мол? Да ничего...* (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича).

Интересно, что в русском языке глагол *сидеть*, грамматикализуясь (в слабой степени), обозначает актуальную длительность только для определенного класса глаголов – а именно, связанного с фиксированным положением субъекта в пространстве. В этом отношении показательны, с одной стороны, запреты на сочетания типа **сидит бежит* и даже на **сидит едет*, и, с другой стороны, иная семантика близких серийных конструкций со *стоять* и *лежать*. Круг глаголов, с которыми в подобных случаях сочетаются *стоять* и *лежать*, отличается от допустимых при *сидеть* (ср., например, неестественность *?стоит пишет / ?лежит ждет*); в тех же случаях, когда, так сказать, семантически наполненные глаголы совпадают, семантика полученных в результате «серийных» конструкций несколько различается, ср. *сидит думает* (≈ ‘длительное время находится в данном <статичном> состоянии’) и *стоит думает* (‘находится в <статичном> состоянии, которое воспринимается говорящим как бездействие’, ср. типичное продолжение: ... *вместо того, чтобы помочь*).

⁵ Типологически такого рода грамматикализация со значением прогрессива (а иногда и хабитуалиса) очень характерна для класса позиционных глаголов в целом, см. Kuteva 1999, Майсак 2002.

2. Типологический ракурс

Типологическая релевантность такого семантического компонента значения, как фиксированность субъекта в пространстве, а также связь этого компонента со смыслом 'сидеть' на сегодняшний день изучены недостаточно. Между тем, в германских языках эквиваленты русского *сидеть*, так же как и в русском, широко используются с неодушевленными субъектами – именами предметов и ситуаций – и по крайней мере для этих языков такое исследование возможно (типология позиционных глаголов на материале французского, английского, шведского и нидерландского обсуждалась, в частности, в докладе М. Лемменса на 7-й Международной конференции по когнитивной лингвистике, см. Lemmens 2001).

Специальный интерес для нас представляет нидерландский язык, в котором имеется значительная зона непозиционных употреблений глагола *zitten* 'сидеть', ср. Van der Toorn 1972, Van Oosten 1984 и в особенности Lemmens 2002. Для *zitten* крайне характерны примеры типа (13)-(14) (приводятся по Lemmens 2002):

(13) *Er zit geen bier meer in het vat* 'В бочке больше нет (букв. 'не сидит') пива'

(14) *Hoeveel zand zit er in één zak?* 'Сколько песка помещается (букв. 'сидит') в одном мешке'?

Ср., кроме того, следующие контексты, в которых в нидерландском также используется *zitten*: 'морковка в земле', 'бородавка на лбу', 'подкова на копыте', 'часы на запястье', 'пломба в зубе', 'кольцо на пальце', 'парик на голове', 'гвоздь в крышке стола', 'градусник под мышкой', 'пластырь на руке', 'уши на голове <криво сидят>', 'колесо на оси', 'носок на ноге', 'нога в носке', 'ошейник на собаке', 'воздух в комнате' (например, в предложении типа 'В этой комнате <сидит> много воздуха'), 'косточки в фруктах' и под.

Обратим внимание, что приведенные примеры и контексты таковы, что для всех них (а также для многих других – сколько-нибудь полный их список мы не можем здесь привести, он был бы слишком велик) фиксированность, предложенная в качестве семантической доминанты для русского, также оказывается применимой. Существенно, однако, что большинство контекстов, разрешенных в нидерландском, в русском, как легко видеть, неприемлемы: ср., например, **кольцо сидит на пальце*, **нога сидит в носке*, **пластырь сидит на руке* и др. Следовательно, круг употреблений русского *сидеть* с «предметными» субъектами оказывается значительно уже, чем в нидерландском, и он полностью «поглощается» контекстами употребления *zitten*.

3. *Сидеть* vs. *zitten*

Таким образом, в Рахилина 1998 дано не вполне точное описание семантики русского *сидеть*: оно, как оказывается, скорее, описывает нидерландский, чем русский глагол. Задача уточнения семантики *сидеть* сводится, следовательно, к описанию различий в употреблении этих глаголов.

Соответственно, обратим внимание на следующее:

- *Zitten* допускается в случае контакта двух поверхностей, причем не только в случае одушевленного субъекта (или *фигуры* – в терминах Л. Талми, ср. удачное использование противопоставления *фон – фигура* в Talmy 2000), как в ситуациях типа 'гусеница на листе', 'птица на ветке', но и в случае контакта двух неодушевленных предметов ('подкова на копыте', 'пластырь на руке', 'пуговица на пальто', 'нос / уши на голове' и проч.). Заметим, что в нидерландском в большинстве случаев здесь требуется очень плотный контакт, когда фигура приклеена (ср. пластырь), прибита (ср. подкова), пришита (ср. пуговица) или каким-то иным способом прочно связана с фоном, см. Lemmens 2002 – в этом смысле как раз и можно говорить о фиксированности фигуры в данном классе употреблений *zitten*. Русское *сидеть*, как оказывается, «усиливает» контакт предметов не (или не только) через его плотность, а, так сказать, через его площадь: с неодушевленными субъек-

ектами *сидеть* не допускает поверхностного, а требует трехмерного контакта фона и фигуры. Нидерландский же допускает и поверхностный, и трехмерный контакт.

• Трехмерный контакт может представляться двояко. Во-первых, как объемлющий, или охватывающий, – когда фигура является контейнером / квазиконтейнером (= контейнером «без дна» – очень распространенный топологический тип объектов, ср. кольцо), «надетым» на фоновый объект. Во-вторых, контейнером может быть фоновый объект, а фигура – его содержимым.

Первый случай – вида ‘кольцо на пальце’, ‘ошейник на собаке’, ‘носок на ноге’, как мы видели, характерный для нидерландского, в русском реализуется практически в единственном сочетании – *топор <крепко> сидит на топорище*⁶. Второй случай, когда фигура «вставлена» в контейнер, как ни странно, в русском также не реализуется в чистом виде (здесь особый случай представляет сочетание *пробка сидит в бутылке*), тогда как в нидерландском, как мы видели, контексты типа ‘пломба в зубе’, ‘угли в очаге’, ‘вода в бутылке’, ‘градусник под мышкой’, ‘монетка, <зажатая (букв. ‘сидящая’)> в кулаке’, ‘сабля в ножнах’ и под. допустимы и даже частотны.

Суть в том, что в русском требуется погружение объекта не просто в другой объект, а в *среду*, охватывающую этот объект целиком и не имеющую никакого заранее приготовленного отверстия – фоном, таким образом, в случае трехмерного контакта по типу «погружение», в русском должна быть среда, а не контейнер. Показательным примером здесь может служить пара *гвоздь – винт*. По-нидерландски *zitten* применимо к ним обоим, а по-русски *сидит в крышке стола* – только *гвоздь*, но не *винт*. Разница в том, что гвоздь входит в цельную поверхность, а винт – в готовое отверстие, что, видимо, противоречит идее *сидеть*. Ср. также *луковица сидит в земле* – **пломба сидит в зубе*⁷. Ясно, что и первый тип трехмерного контакта – типа «охват» (когда фигура является контейнером) в принципе должен быть устроен так же: он тоже должен запрещать готовые отверстия – отсюда и запреты на контексты типа ‘носок на ноге’ или ‘кольцо на пальце’, которые такое отверстие предполагают. Вспомним, однако, что одно такое сочетание в русском всё-таки возможно – это *топор на топорище*.

Объяснение здесь следующее. Русское *сидеть* отдает предпочтение контакту по типу «объект – среда» перед контактом по типу «контейнер – содержимое» потому, что в случае погружения фигуры в (плотную) среду как плотность контакта, так и фиксированность фигуры в пространстве значительно выше, чем в случае исходного отверстия. Таким образом, в русском из концепта ситуации ‘сидеть’ исключаются не контейнеры сами по себе, а исключается слишком слабая степень фиксированности фигуры в пространстве, которую они предполагают: ведь русское *сидеть*, как мы уже говорили, требует большей, чем нидерландское *zitten*, фиксированности. Однако топор и топорище, как известно, связаны гораздо более тесно, чем просто содержимое и контейнер: топор не *надевается* на топорище как кольцо – топорище *вбивается* в топор, и степень контакта фигуры с фоном оказывается здесь значительно выше, чем у обычного квазиконтейнера; следовательно, это сочетание «подходит» под семантику *сидеть*.

Совершенно аналогично, «сидит» пробка в бутылке: данное сочетание приемлемо только в том случае, если контакт фона и фигуры слишком тесен – например, когда проб-

⁶ Примеры, в которых фигурой выступают предметы одежды типа *платье хорошо сидит* в значении ‘очень хорошо пригнано по фигуре’, тоже попадают в этот класс. Однако, скорее всего, в русском они являются кальками с какого-то из европейских языков и, видимо, не могут в полной мере считаться показательными (в частности, в русском, в отличие в том числе и от нидерландского, не так много предметов одежды, которые могут «сидеть», ср. здесь запрет на фразы типа ⁷*носок / чулок <хорошо> сидит на ноге*, приемлемые для нидерландского).

⁷ Отметим, что в последнем случае надо было бы употребить другой позиционный глагол – *стоит* – но уже (в соответствии с правилами, предложенными в Рахилина 1998) ввиду функциональности позиции пломбы.

ку приходится вытаскивать штопором с большими усилиями (ср. также пробку в бутылке шампанского).

Таким образом, по сравнению с нидерландским *zitten*, русское *сидеть* требует более жесткой фиксированности фигуры. В свою очередь, большая фиксированность предполагает более плотный контакт – в частности, в случае трехмерного контакта неодушевленных фона и фигуры, в русском языке контакт устроен так, что поверхности фона и фигуры теснейшим образом взаимодействуют. Ярким примером такого взаимодействия оказывается ситуация, когда фигура погружена в фон, представляющий собой плотную среду.

Нидерландский же «разрешает» менее жесткую фиксированность, поэтому в нем под концепт ‘сидеть’ подпадают, помимо объектов, погруженных в плотную среду, и контейнеры с содержащимися в них объектами (или объекты, находящиеся в контейнере) и просто скрепленные поверхности.

Замечание: о частях и целых

Очень интересной зоной является зона частей-целых. Можно было бы ожидать, что в русском – в силу требования большей, чем в нидерландском, фиксированности, части могут становиться фигурами, а целые – фоном. На деле всё обстоит наоборот: это возможно в нидерландском, но не в русском: ср. нид. *Er zit een berst in de spiegel* ‘В зеркале имеется (букв. ‘сидит’) трещина’, но не русск. **В зеркале сидит трещина*.

По-видимому, дело тут в том, что в русском языке позиционные глаголы вообще игнорируют зону частей-целых. Так, в Рахилина 1998 и 2000 подробно описано поведение русского *висеть* в зоне частей – целых: соответствующие примеры оказываются либо неприемлемы, либо обозначают неестественное, отрицательно оцениваемое говорящим состояние объекта, ср. *хвост у собаки висит, руки висят, как плети* и под. Глагол *стоять* также «не любит» частей-целых: в этих случаях в русском языке используется глагол *торчать*, ср. *волосы торчат* (**стоят* – только: *стоят дыбом*) *на макушке*. Употребление *стоять* в контексте часть-целое означает, что говорящий хотел бы рассматривать эти два объекта как независимые, ср. *посреди заводского двора торчала / стояла огромная грязная труба*. Наконец, глагол *лежать* также избегает этих контекстов. Единственным исключением здесь является устойчивое *волосы лежали <волнами> у нее на плечах*, ср. здесь невозможное (при условии ненарушения самого отношения часть-целое): **подол платья лежал на полу*, **уши <зайца> лежали на спине* и под.; для описания таких ситуаций используются другие глаголы с более сложной семантикой (например, *касаться* или *доходить до*).

В нидерландском же возможность *zitten* в контекстах часть-целое обусловлена метафорой контейнера (ср. Lemmens 2002, см. подробнее ниже): целое осмысливается как контейнер для части, так что в приведенном выше примере зеркало как бы вмещает в себя трещину. Интересно, что наряду с *zitten* для выражения отношения часть-целое в нидерландском часто выбирается *hebben* ‘иметь’. Так, согласно исследованию Janssen 1994: 10, вместо (13) обычно употребляется (14), а примеры типа (13) возможны только в специальных контекстах (описания рисунка и т.п.).

(13) *Er zitten erg grote handen aan die man* ‘У этого человека (букв. ‘сидят’) очень большие руки’, ср. здесь более близкий к оригиналу английский перевод: ‘There sit very big hands on that man’

(14) *Die man heeft erg grote handen* ‘Этот человек имеет очень большие руки’.

По мнению Янсена, *hebben* предполагает акцент на самом отношении часть-целое, а *zitten* – на пространственном расположении части и целого.

4. Метафоры в русском и нидерландском

Отдельную проблему представляет сопоставление метафорических переносов ‘сидеть’ в русском и нидерландском. В принципе, имеется очень значительная зона пересечений. Она касается устойчивых состояний типа *сидеть в тюрьме, сидеть без денег, си-*

деть без хлеба, <безвыездно> сидеть в деревне, в которые (как в плотную среду) «погружен» субъект. Ср. сходные контексты употребления *zitten* (Lemmens 2002):

(15) *Ik zit zonder geld* ‘Я сижу без денег’.

(16) *Daarvoor zitten mensen in de gevangenis [...] er zitten mensen vast* ‘Ведь люди, которые сидят в тюрьме [...] сидят взаперти’.

(17) *Miljoenen mensen zitten opeen gepakt in de steden* ‘Миллионы людей сидят в городах в тесноте’.

Для русского языка именно такие контексты и составляют метафорическую зону *сидеть*, ср. (18)-(19):

(18) <...> *наша жизнь так пропиталась тюрьмою, что простые многозначительные слова «взяли», «посадили», «сидит», «выпустили», даже без текста, у нас каждый понимает только в одном смысле! Ощущения беззаботности наши граждане не знали никогда.* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг)

(19) <...> *он, Козонков, без молока насидится, поскольку корова у него нестельная, а если и стельная, так всё равно не отелится.* (В. Белов, Воспитание по доктору Споку)

За пределы метафоры «устойчивое состояние как плотная среда для субъекта этого состояния» русский язык не выходит. В этом смысле можно считать, что нидерландский опять (как и следовало ожидать) оказывается шире, «свободнее» русского⁸. Действительно, у *zitten*, как кажется, больше метафорических употреблений.

С теоретической точки зрения, было бы интересно проследить, за счет чего происходит это расширение – например, в какой степени оно связано с метафорой контейнера, которая не свойственна русскому. В Lemmens 2002 приводится целый ряд примеров на эту тему. В частности, там говорится, что метафора контейнера, в отличие от метафоры контакта, допускает абстрактное движение. И русский, и нидерландский материал явным образом подтверждают эту идею: в метафорических контекстах с русским *сидеть* (которые как раз и реализуют метафору контакта) фиксированными могут быть только статичные, но не динамичные ситуации, в нидерландском же допускаются и те, и другие. В частности, нидерландский пример типа (20) не может быть переведен на русский с помощью *сидеть* именно потому, что фоном является не состояние, а абстрактное движение:

(20) *Waar zitten we in de film?* ‘В каком месте сюжета фильма мы находимся?’ (букв.: ‘где мы сидим в этом фильме?’)

Нидерландский более свободен и в отношении синтаксической структуры метафоры: там действие может быть не только фоном, но и фигурой, ср. (21)-(22):

(21) *Er zit altijd beweging in de collecties* ‘В этих коллекциях всегда происходит (букв. ‘сидит’) обновление (букв. ‘движение’)’

(22) *Er zit actie in de film* ‘В фильме есть (букв. ‘сидит’) движение’.

В русском языке, напротив, за ролью метафорической фигуры жестко закреплён (одушевленный) субъект ситуации.

Что касается фона-контейнера, в нидерландском это очень широкий класс объектов, ср. примеры из Lemmens 2002, в которых в роли контейнера выступают такие концепты, как *группа, игра, проблема, текст, жизнь*:

(23) <...> *de groep waar ik nu in zit* ‘группа, в которой я теперь состою (букв. ‘сидю’)’

(24) *Er zit meer spanning in de wedstrijden* ‘В этих играх имеется (букв.: ‘сидит’) больше напряжения’

(25) *Financieel zitten die gemeenten niet in de problemen* ‘С финансовой точки зрения, у этих организаций нет проблем (букв. ‘они не сидят в проблемах’)’.

⁸ Естественно, что из сопоставления следует исключить случаи «двойных» метафор, когда не только устойчивость состояния, но и само состояние выражено метафорически, ср. *сидеть на бобах, в четырех стенах, в девках, как именинник...* Ср., однако, следующий нидерландский пример (Lemmens 2002) и его перевод: *Sindsdien heeft de concurrentie niet stilgezeten* ‘с того времени конкуренты не сидели сложа руки’.

(26) *Ook het aspect wraak zit in de rijk gelaagde tekst van Shakespeare* ‘Точно так же идея мести пронизывает многослойный шекспировский текст’ (букв. ‘сидит в тексте’).

(27) *Maar hun leven zit vol leugens en opschepperij* ‘Но в их жизни слишком много лжи и блефа’ (букв. ‘их жизни сидят полные лжи’).

Любопытно, что метафора контейнера как тела выдерживается не только в нидерландском, но и в русском, ср. с одной стороны, пример (28) из Lemmens 2002 и, с другой стороны, русские примеры типа *В каждом ребенке сидит исследователь, В каждом человеке сидит ребенок*, а также (29)-(30):

(28) *In elk kind zit een leraar* ‘В каждом ребенке сидит учитель’.

(29) *Гусев с пеной у рта объяснял, что в нас сидит Дьявол и ест на завтрак, обед и ужин нашу совесть, стыд, волю...* (Юз Алешковский, Рука);

(30) *Модильяни сидит в каждой красивой женщине* (В. Дудинцев, Белые одежды).

Означает ли это, что человек или его тело может одновременно концептуализоваться и как плотная среда, и как контейнер?

5. Заключение: лексическая семантика и лексическая типология.

Возвращаясь к лексической типологии как инструменту тонкого внутриязыкового семантического исследования – в духе описания синонимических рядов в Апресян и др. 1997-2000, заметим, что в данном случае нидерландский глагол *zitten* служил нам «недостающим» квазисинонимом для русского *сидеть*. На фоне *zitten* выявились нюансы употребления *сидеть*, незаметные при сравнении его с другими русскими позиционными глаголами; незаметны они были потому, что не играли никакой роли в семантическом противопоставлении этих глаголов, т.е. внутри системы одного языка. Таким образом, межъязыковое сопоставление в данном случае оказалось единственно возможным ключом к семантике *сидеть*.

Обратимся теперь к проблеме типологической релевантности семантических описаний позиционных глаголов – в нашем случае, глаголов сидения. Мы хотели бы обратить внимание на два аспекта этой проблемы.

Во-первых, с типологической точки зрения, интересна идея фиксированности объекта в пространстве как таковая. Видимо, такая ситуация вообще достаточно значима, чтобы выражаться в естественном языке специальными средствами. В частности, последние исследования семантики русского локативного падежа, или, как его называют, второго предложного, говорят о том, что, в общем, то же значение (или, точнее, некоторая его модификация) выражается и грамматическими средствами: выясняется, что «общие свойства русских конструкций со вторым предложным падежом во всех типах контекстов оказываются достаточно единообразными: они описывают ситуацию плотного, интенсивного контакта, при котором либо позиция или функция объекта оказываются жестко детерминированы, либо его свобода перемещения ограничена, либо его природа частично или полностью изменена» [Плунгян 2002: 251]. Кстати говоря, в этой работе падежная кодировка значения фиксированности в пространстве обсуждается и в типологическом аспекте – в частности, со ссылкой на Тестелец 1980, приводится материал некоторых дагестанских языков.

В нашем случае, речь шла не о грамматических, а о лексических средствах выражения фиксированности в пространстве – мы показали, что есть языки, где эту роль на себя берут позиционные глаголы со значением ‘сидеть’. Это не случайно: «исходной точкой» для семантического развития в таком случае служит антропоцентричная ситуация ‘находиться в «сложенном» положении’ – а она является для человека и удобной, и устойчивой. По-видимому, такое семантическое развитие свойственно и германским языкам (в нашем случае, прежде всего, нидерландскому), и русскому – но в разной степени; эту «степень» можно попытаться описать набором признаков, который в дальнейшем мог бы служить основой для более широкого типологического исследования – может быть, построения семантической карты концепта «сидеть» в языках мира.

- (1) трехмерный контакт с плотной средой (+ РУС, + НИДЕРЛ)
- (2) охват / погружение в контейнер (– РУС, + НИДЕРЛ)
- (3) плотный контакт (скрепление) двух поверхностей (– РУС, + НИДЕРЛ)

Другой интересный типологический аспект – это связь грамматикализации лексем и «освоения» ею периферийной зоны употреблений (ср. Апресян 2002). Легко видеть, что чем более свободна лексема в далеких от своих центральных употреблений зонах – как нидерландское *zitten*, «захватившее» очень значительную (по сравнению с русским *сидеть*) область непозиционных контекстов, тем вероятнее в этом языке и большая степень грамматикализация конструкций с этой лексемой.

В частности, если в русских «сериальных» конструкциях с *сидеть* в качестве главных возможны только глаголы, описывающие состояния и локализованные в пространстве процессы, то в нидерландском, где периферия значительно шире, в качестве основных глаголов возможны и действия. Например, в нидерландском вполне приемлемы сочетания со значением ‘сидит едет’, совершенно недопустимые в русском – хотя в данном случае сама ситуация, несмотря на то, что в качестве основного глагола и выбран глагол движения, всё же обозначает фиксированное положение субъекта в пространстве – хотя бы с какой-то точки зрения. Так что если русский, как мы уже говорили, игнорирует возможность концептуализации этой ситуации как пространственно локализованной, то нидерландский пользуется этой возможностью.

Однако нидерландский способен идти и дальше по пути грамматикализации: он разрешает и предложения типа *Ik heb zitten rondlopen* (букв. ‘я сидел-гулял’) в значении перфектного прогрессива – ‘я (всё время) гулял’, см. Lemmens 2002. В этом отношении чрезвычайно интересны запреты на данную конструкцию в нидерландском – иными словами, те границы сочетаемости *zitten*, которые пока еще им не перейдены. Эти лексические ограничения позволили бы установить корреляцию между семантически наполненными употреблениями *zitten* и его грамматикализированным вариантом.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю.Д. и др.: 1997–2000, *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва, вып. I-II.
- Апресян, Ю.Д.: 2002, ‘Центр и периферия в лексике и грамматике’, доклад на конференции “Русистика на пороге XXI века”.
- Майсак, Т.А.: 2002, *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Плунгян, В.А.: 2002, ‘К семантике русского локатива («второго предложного» падежа)’, *Семиотика и информатика* 37, 229-254.
- Рахилина, Е.В.: 1998, ‘Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять*, *лежать*, *сидеть* и *висеть*’, *Вопросы языкознания*, N 6, 69-80.
- Рахилина, Е.В.: 2000, *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва.
- Тестелец, Я.Г.: 1980, *Некоторые вопросы типологии систем пространственного склонения в дагестанских языках*. Дипломная работа. М.: МГУ.
- Di Sciullo, A.-M.; Williams, E.: 1987, *On the definition of words*. Cambridge (MA).
- Fillmore, Ch. J., Atkins, B. T. S.: 2000, ‘Describing polysemy: the case of “crawl”’, Y. Ravin; C. Leacock (eds.), *Polysemy*. Oxford, 91-110.
- Janssen, Th.A.J.M.: 1994, ‘Het is Kermis hier’, *Stichting Neerlandistiek VU Amsterdam*. Münster.
- Kuteva, T.A.: 1999, ‘On *sit / stand / lie* auxiliation’, *Linguistics* 37, 191-213.

Lemmens, M.: 2001, 'LOCATION versus POSITION: coding strategies for referent location', Paper presented at the 7-th International Cognitive Linguistic Conference, University of California, Santa Barbara, 22-27 July.

Lemmens, M.: 2002, 'The semantic network of Dutch posture verbs', J. Newman (ed.), 103-139.

Newman, J. (ed.): 2002, *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam.

Talmy, L.: 2000, *Towards a cognitive semantics*. Cambridge (MA).

Van Oosten, J.: 1984, 'Sitting, standing and lying in Dutch: a cognitive approach to the distribution of the verbs *zitten*, *staan* and *liggen*', J. Van Oosten; J. Snapper (eds.), *Dutch Linguistics at Berkeley*. Berkeley, 137-160.

Van der Toorn, M.C.: 1972, 'Over de semantische kenmerken van *staan*, *liggen* en *zitten*', *De Nieuwe Taalgids* **6**, 459-464.